

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕВ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА,
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, И. СЕЛЬВИНСКОГО, А. СЕЛИВАНОВСКОГО,
М. СУБОШКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

№ 6 (497)

Среда, 30 января 1935 года.

ЧЕХОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В прошлом году советская страна отмечала 30-летие со дня смерти Антона Павловича Чехова.

Сегодня мы отмечаем 75-летнюю годовщину со дня его рождения.

Огромное внимание к Чехову со стороны литературной и артистической общественности, да и со стороны всех трудящихся нашей страны говорит о многом.

Советская страна « чтит память » одного из классиков русской литературы. Но чтить память, по-нашему, — значит оценить творчество писателя по достоинству, это значит, выясняя его положение как художника слова, как представителя определенного идейного течения, подчеркнуть, почему дорог, чем близок нам тот или иной писатель, чем мы обязаны ему, чему и как мы должны у него учиться.

Некоторым товарищам кажется, что в наше время чеховская тематика, и чеховские « герои », и, наконец, сама манера чеховского письма отжили. Прекраснодушный, но наивный Кандид спрашивал: « Как вы полагаете? Люди всегда избивали друг друга, как в наше время? Всегда ли они были лжецами, лукавыми, вероломными, неблагодарными, рабобинниками, слабыми, непостоянными, робкими, завистливыми, обжорами, пьяницами, скудными, честолюбцами, кровопийцами, клеветниками, развратниками, фанатиками, лицемерами и дураками? »

Мартин отвечал: « Если ястреба всегда имели один и тот же характер, всегда сидели голубей, почему вы хотите, чтобы люди изменились? »

Вольтер был, конечно, вполне надевался на « свободную волю » Пампула, но что сам этот великий скептик не очень верил в возможность переделки людей и уничтожения пороков, которые он перечислял с таким удовольствием, это несомненно.

Вся художественная деятельность Чехова с точки зрения старой « эстетической » критики была направлена на уничтожение указанных « пороков ». Однако внимательный анализ творчества Чехова и уважение к огромному художнику подсказывают, что не это было основным в его творчестве. Правда, Чехов изобличал указанные выше пороки, не считая их вечными, он — это видно буквально из каждого рассказа — находил и « открывал » десятки других пороков, которые он бичевал, но не это было целью его творчества.

Что же было основным в творчестве Чехова, что роднит его с нами и делает близким нам?

Стоит сравнить нашу действительность с восьмидесятью годами прошлого столетия, чтобы найти ту пружину, которая двигала творчеством Чехова и направляла пути неревOLUTIONционного писателя на объективное, жизненно правдивое изображение если не всей жизни, то многих ее деталей.

Творчество реакции, « крушение надежд » 60—70-х годов привели многих и многих « свободомыслящих » интеллигентов в лагерь этики, религии и мистики. Многие припадали к стопам « его величества ». Проповедь « малых дел » сменила революционные лозунги. Разгром « Народной воли », мушкетерская репрессия, казни, застенки, свинное рыло черносотенного оплота трона — все это « отрезвило » многих и многих представителей интеллигенции, открыто перешедших на службу буржуазии, буржуазно-помещичьему государству.

Многие из интеллигентов говорили, что вот-де надежды на революцию пропали, а ведь « мы ее так ждали », борьба непосильна...

Революционные идеалы такими людьми менялись на « доходное место ». Очень немногие, буквально горстка людей, продолжали борьбу и подготовляли почву для рождения новой могучей рабочей партии. Развитие капитализма в России пошло значительно быстрее, чем это казалось многим. Народники закрывали

на это глаза. Они продолжали твердить старое. Они играли реакционную роль. Пришел в девятые годы Ленин и сказал то, чего не сумел сказать Плеханов. Он сказал на весь мир, « что такое « дружба народа » и как они воюют против социал-демократии ». Началась новая полоса общественного развития. Эпигоны народничества, вчерашние думари, « властители дум молодежи » в 80-х годах инвертировались с пьедестала, Ленин и созданный им « Союз борьбы за освобождение рабочего класса » сказали новое слово. Но 10 лет назад были слабые намеки на это новое движение.

Когда Чехов напечатал рассказ « Мужики », Н. К. Михайловский об-

Иоганн Альтман

нелзя было бы найти оправдания. Тяжелый труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее (подчеркнуто нами).

Чехов писал здесь же о самых мелких чиновниках или приказчиках, которые обходятся с мужиками, как с брелками, стариков порют за пивное недоимок, и у них « жалкий, приниженный вид ».

Обвинительным актом против царизма прозвучали « Мужики ».

Объективным оправданием строя прозвучали « критические » строки

еся в « палату № 6 », как задыхается ученый (« Черный монах ») и как временно процветает обладатель « Анны на шею ». Люди, не выдержавшие « экзамена на чин », инвалиды, вернувшиеся с войны в деревню, миллионы « мужиков », от Лукиных до Епиходовых, страдают, не видя выхода. Иные мечтают о хороших временах через 200 — 300 лет.

Чехов был не регистратором фактов, не « рассказывателем » веселых анекдотов. Если смех Щедрина разит смертельно, бичует, если смех Гоголя доводит иногда до отчаяния, то смех Чехова заставляет глубоко задуматься над пошлостью « быта ». Но покончили ли мы со всем старым хламом? Умер ли человек в футляре? Умерли ли все персонажи Чехова? Разрешена ли задача переделки сознания людей? Сталин недаром подчеркивает, что живы, живы еще чеховские типы: вот он, оппортунист, боящийся « как бы чего не вышло », вот он, боящийся таракана, « конторщик Епиходов », вот она, оппортунистическая « душечка », упомянутая Лениным...

Чехов нужен не просто для чтения, для ознакомления с прошлым, он нужен и для борьбы с остатками прошлого.

Некоторые говорят: « Не Чехов жил накануне 1905 года и не был революционером ». Это, конечно, самый тяжелый упрек. Но пусть покажут, что Чехов служил реакции. Дело, конечно, не только в известном « академическом инциденте », в котором художник показал себя передовым общественником. Дело в том, что всю свою деятельность Чехов мыслил как общественную. Он не был революционером, но он был передовым общественным деятелем, своим творчеством разоблачаящим, а не прикрывающим гниющие буржуазно-помещичьи строения.

Если Щедрин бичевал острой сатирой, если смех Гоголя привел его в мистическое отчаяние в эпоху николаевского безвременья, то юмор Чехова несомненно перерос бы в острейшее орудие сатиры, попал он в иные условия. У него хватало сил не идти за эпигоном народничества, разоблачить многие либеральные иллюзии и порвать с Сувориним. Он был настроен, как правильно отметили некоторые критики, жгуче-протестантски по отношению к своему кошмарному времени, но у него не хватило пронзительности и иных качеств стать революционером. И то, чего не мог сделать Чехов (может быть мы бы имели — наверняка имели бы! — много Чехова после 1905 г.), осуществил певец революции и социализма, автор « Буревестника » А. М. Горький.

В ряду проблем, которые необходимо поставить в связи с творчеством Чехова, надо остановиться на проблеме стиля, композиции, чистоты и чеканности слова. Никто не поднимал так высоко значения художественного слова, как Чехов. Горький правильно подметил эту особенность Чехова. Не случайно проблема создания советской повелли неотрывна от изучения творчества Чехова. Мастер повелли, он не имел равных себе, за исключением разве Мопассана и Генри.

Большие проблемы создания новой драмы связаны также с изучением Чехова-драматурга. Особенности чеховской драматургии недостаточно изучены. В частности мы совершенно пренебрегали одноактной пьесой, комедией, водевилем. Если Чехов — непревзойденный мастер повелли, то в меньшей мере он не преуспел в водевиле. « Драматическая повелля » изумительно легко давалась Чехову. Задача советских комедиографов — упорно учиться у Чехова.

Особенности чеховского стиля, « лирическая высь » его рассказов и драм будут очень долго изучаться художниками слова. Новая нарождающаяся социалистическая лирика, качествен-

но отличная от старой лирики, позаимствует однако немало элементов мастерства у Чехова. Когда художник будет изображать новые, теплые, дружеские чувства одного человека к другому, он неизбежно задумается, какими красками пользовался Чехов, чтобы в темные годы суметь пробуждать эти чувства в людях, в чем сила его слова. И эта новая лирика обратится ко всему творчеству Чехова. Она найдет у него особое умение отбирать типы, характеры, особое умение расставлять людей, особое умение выявлять в каждом человеке ту большую или меньшую долю хорошего, что отличает этого человека от другого, что поднимает его и составляет уважать. Любовь к человеку, уважение его и его мыслей, его труда — вот те элементы, которые воспринял Чехов и которые расцвели и расцветают лишь в наши дни. Немудрено, что из всех лириков прошлого Чехов больше всего может дать нашей лирике.

Записные книжки Чехова (опубликованы в 1927 г.) — это большая школа для наших писателей. Они вводят в творческую лабораторию Чехова. Проследите, как одно и то же имя, один и тот же человек проходит много раз в записной книжке и затем как он выглядит, видоизмененный в рассказе, и вы увидите, какой « обработкой », каким изменениям подвергался у Чехова каждый образ. Эта изумительная культура работы — черта, которая выгодно отличает творчество Чехова от творчества многих писателей. Так работал Толстой, так работает Горький. Огромная культура в труде неотделима от социалистического творчества. Этой культуре работы не в малой степени учатся советские писатели у Чехова.

Эпиграфом к своему собранию сочинений Чехов поставил известные стихи Некрасова:

...« Придет ли времечко
(Приди, приди, желанное!),
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара почесет ».

Страна Советов, страна самой передовой культуры в мире, добилась того, что колхозник, что рабочий становятся самыми интенсивными читателями не только Маркса, Ленина, Сталина, но и Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова. Он « почес с книжного базара » лучших иностранных писателей и пачку современных писателей, не имея понятия о милорде глупом.

Пусть чеховский юбилей послужит новым толчком к вдумчивому, серьезному, критическому изучению великих писателей прошлого многомиллионными читателями нашей великой социалистической родины!

А. П. Чехов в молодости.

рушился на него, обвиняя Чехова в том, что он нарочно рисует все мрачными красками, что не все так плохо в деревне, как это рисует Чехов. Умирающее, разгромленное народничество продолжало цепляться за старые иллюзии. « Мужики » было первое значительное произведение Чехова, и очень любопытно, что именно народниками оно было встречено в пытки. Чехов не намерен был идеализировать действительность а la Элатовратский. Честный художник, он обнажил до конца темные, дикие стороны деревни, той самой жизни, которую Глеб Успенский назвал « сплошным бытом ».

В течение лета и зимы, — писал в « Мужиках » Чехов, — бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов. Жить с ними было страшно: они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут несообразно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга. Кто держит кабак и спавает народ? Мужик. Кто растрачивает и проживает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик. Кто украл у соседа, подлог, ложно показал на суде за бутылку водки? Кто в зимских и других соображениях первый ратует против мужиков? Мужик. Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему

Михайловского, эпигона народничества, все еще продолжавшего идеализировать общину, капитализированную деревню... Революционные идеи Чернышевского были сланы в архив. Революционно-демократическое народничество « уступило место » либеральному народничеству.

Антон Чехонте начал с « бездельных » — Антон Чехов поднялся на очень большую художественную высоту. Он бичевал не « пороки » вообще, он описывал жизнь, « как она есть », и такие рассказы и повести его, как « Мужики », « В овраге », « Дуэль », « Ноник » и другие, это множество обвинительных пунктов « по частям » против целого режима.

Говорят: « Чехов — весь в прошлом », « Чехов не для нас ». Это абсолютно неверно.

Именно потому, что Чехов писал о пошлости, грязи, мерзости жизни (не смотря на то, что он, как и многие « герои » его произведений, не имел ясных политических, социальных идеалов), он перебрал крепкий мост в будущее и он наш. Его тема была о смерти старого мира, о « смерти чиновника », о гибели Лавских, Раневских и Габеевых, о развале « дома с мезонином », о ненужности в суетности лампочек с « длинными языками », « юбиларов », « дипломатов », « беззачинных существ », « душечки », « Ноника » и др. Он показал, как светлее и мыслящее при царизме выключива-

А. П. и Н. П. Чеховы в период совместной работы в журнале «Оскопки» (из архива Центрального литературного музея).